

Серая пыль на земле

18+

Игнатов Алексей

Алексей Игнатов

Серая пыль на земле

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69482812

SelfPub; 2023

Аннотация

Путь поиска просветления, мистический откровений – очень долгий путь. Иной раз кажется, что его можно ускорить химически, принять средство, расширяющее сознание, и придут видения, в которых откроются все тайны мира! Видения придут. Но что вы будете с ними делать, когда они откажутся уходить?

Алексей Игнатов

Серая пыль на земле

Мартин умер еще в Тамибии. Мы предоставили местным возможность самим разобраться с причиной смерти и похоронами, бросили нашего толстяка, и ушли не прощаясь. Мертвому все равно, в какой стране его зароят в землю. «Прощай Кий, ты был не прав!» – так я сказал над его телом вместо надгробной речи, двери лифта закрылись, и мы ушли. Я не хотел объясняться с полицией и терять время. Я уже слышал шаги.

Кадар умер позже, в тюремной камере родного Кротвиля, и меня не было рядом с ним ни в ночь его смерти, ни в день его похорон. Когда шаги стучат за спиной, стоять на месте нельзя. Шаги не торопятся, но я пока еще живой человек, мне нужно спать, нужно есть, отдыхать. А ей отдыхать не надо, ее шаги не умолкают надолго. Бам, бам, бам! Как удары молотка, словно она вколачивает гвозди в мой гроб.

Она никогда не остановится. Однажды круг замкнется, и все вернется туда, где серая пыль лежит на земле, я войду в круг камней и найду там спасение. Или круг станет моей могилой? Мне некогда думать об этом, некогда планировать, я просто бегу. Иногда мне не хватает друзей, толстяк Мартин, философ Кадар, я перешагнул через вас и продолжил бег. Хотя не знаю, мы вообще были друзьями?

Я дал Мартину кличку Кий, в честь бильярдного кия, потому как фигурой он походил как раз на бильярдный шар. В тот момент это казалось очень забавным! Кий расхохотался, швырнул шар в официантку, и заорал «Подставляй лузу, девочка!», и это казалось еще забавнее, в таком уж мы были тогда состоянии. Все мои воспоминания о парнях примерно такие. Но не знаю, как звали родителей Мартина, не помню, где родился Кадар, и сомневаюсь, что он знал, сколько мне лет. Мы не расставались годами, но что нас связывало? Только вещества.

Мы не говорили слова «наркотики». Мы говорили «психоделики» или «вещества, расширяющие сознание». Это идея Кадара, он был нашим гуру, нашим вдохновителем. Кий мог достать все, что угодно, а что не мог достать, то мог сварить сам. Я за все платил. Немного обидно, но такая уж у меня роль – кошелек с двумя ногами. А Кадар философствовал!

Он придавал нашим загулам особый шик, он научил нас говорить не «наркоманы», а «психонавты», не «кайф», а «трип», мы казались себя странниками, которые открывают глубины разума и мироздания. Аргонавтами, которые плывут по морям видений на поиск золотого руна мистических откровений. Так звучит куда лучше, чем просто «наркоманы».

Кадар делал затяжку и начинал говорить. Часами он рассказывал про психоделическую революцию, коллективное

бессознательное и слияние с Дао, про иллюзорность восприятия и ограниченность разума. Мы не просто слушали – мы видели мир его глазами, и в этих глазах вещества становились волшебной дверью, которая расширяет границы сознания, ведет туда, где царит химическая нирвана. Его слова стали для нас еще один наркотиком. Это уже потом Кий начинал орать, буянить, швыряться в официанток миллиардными шарами, и мы просыпались в тюремной камере или больничной палате.

Кадар сам верил себе и относился к делу очень серьезно. Он пережил мистический опыт, когда закинулся чем-то экспериментальным и записал все видения в тетрадку. Он так красиво рассказывал про свой трип! Суть мира проступила поверх ограничений разума, и целую ночь он записывал все, что понял под кайфом, записывал теорию Трех Полюсов Мира, теорию Червя, теорию Вселенской Сети. Свет наполнил его душу, знания предстали так полно и глубоко, что все остальное, чему он научился за свою жизнь, было лишь наперстком, в который пытаются вместить океан. Розовый луч из космоса вошел в его голову и открыл истину о прошлом и будущем, о судьбах вселенной, и бог говорил с ним!

Не знаю, как все это понимать, но так уж он сам рассказывал. А утром его мозги проветрились, луч погас, бог замолчал, и осталась только тетрадка, криво и косо исписанная фразами вроде: «Три полюса! Червь ест мир». Он таскает тетрадку с собой и надеяться вернуться в то великое по-

нимание, которые открылось ему в бреду, вернуть назад все свои теории.

Он верил! Наш идеолог, наш коллективный мозг, благодаря его проповедям мы были не простые точки, а бесстрашные аргонавты, хотя бы в собственных глазах. Он придавал всему смысл.

Кию просто нравилось смотреть картинки, он все повторял, что он снов вреда не будет. Пробовал новый рецепт, выходил из больницы и снова пробовал. Побывал в коме и пару раз умер, врачи вернули его обратно, а он опять сказал: «Так от снов-то вреда не будет!», и принял следующий препарат. Так уж он жил.

А я просто хотел забыть прошлое, и платил за все, что мог достать Кий. Для того я и нужен – богатенький наследник, который покорно платит за вещества, выпивку, отели и продажных девок. Чем больше трат – тем лучше! Тем скорее кончатся деньги мертвецов.

Совершеннолетие – большой праздник! И на моем празднике было слишком много выпивки, слишком много гостей, и каждый лучше других знал, как управляться с фейерверками. Одной ракеты хватило, что бы дом сторел дотла, а в нем мои родители и младшая сестренка. Они стали серым пеплом, тремя закрытыми гробами в земле, а я стал богатым наследником. Я запустил ту ракету и убил их. И теперь просто хочу просто потратить все деньги, словно с деньгами уйдет и моя вина. Хочу забыться, перестать думать. Вещества

помогают отключить голову.

Мы испробовали каждую таблетку, каждый порошок, какие смогли найти. Курили то, что горит, и глотали то, что поджечь не получилось. Ко всему можно привыкнуть, через пару лет все приелось, но мы хотели большего.

– Мы не погрузились достаточно глубоко! – вещал Кадар – Истинная истина таится в глубине разума, и истинный путь к истине – это путь внутрь! Ищи в себе то, что хочешь найти вне себя!

Так уж он выражался под кайфом, а после всего, что мы принимали, его слова казались очень разумными. Мы внимали ему, как паства священнику, и шли искать новые вещества.

Кий откопал в старинной книге рецепт полетной мази ведьм – свиное сало, белладонна, дурман и белена. Я намазался этой дрянью, и через неделю Кадар забрал меня из дурдома. Сам не помню, но Кадар рассказал, как я бегал голый по городу, говорил с голубями и призывал их поднять бунт против двуногих тиранов. Препарат из сушеной коши лягушек-древозазов получился почти удачным, всего через пару дней Кий уже вышел из своей второй комы. Пыльца цветов из Южной Америки устроила нам месяц кошмарных снов, а от вонючей коры с какого-то азиатского дерева я сутки не мог встать с унитаза, что и весь трип.

Но нам было мало, а Кадар все твердил, что вещества – самый быстрый путь духовного роста, и нужно найти что-то

еще сильнее. Только тогда мы увидим настоящую природу реальности! Мы порвем завесу между мирами, увидим другие измерения и познаем суть Вселенной.

Он искал свой идеальный психоделик, и нашел книгу об экзотических сектах и культах. Автор рассказывал про африканских шаманов, которые с самого детства учились принимать то, что они называли «Серая Пыль». Их видения не просто открывали суть реальности, сами их видения были реальностью! Кадар взял след, как гончий пес, и через месяц я уже покупал билеты в Тамибию.

Местные шарахались от нас, когда слышали про пыль, и на поиски проводника ушло больше времени, чем на все остальное путешествие. Потом еще день мы тащились через пустыню.

Песок, еще песок, немного песка сверх того, и ничего кроме песка вокруг. Мы поднимались на один бархан, что бы найти за ним новый. Глотали песок и дышали песком. Кий страдал и ныл. Он уже успел приложиться к своей заначке с порошком, и теперь хотел пить. Кадара укусила какой-то пустынный зверек, он кричал, что ему больно. Кий требовал воды, Кадар кричал, а проводник грозился бросить нас и стрелял воздух. Тот еще был поход! Но проводник нас не бросил, не соврал, довел до самого оазиса.

К тому времени я и сам успел приложиться к заначке, и с трудом верил, что вижу реальность, а не очередную галлюцинацию. Сад поднимался из песка, пах цветами и океа-

ном. Бабочки садились на мое лицо, птицы пели над головой, огромные листья тропических деревьев сплелись в зеленый лабиринт, сверкающий каплями росы.

Проводник не оценил красоту оазиса, он закрыл нос платком и сбежал, словно боялся вдохнуть ароматный воздух. Это странно, но мне было плевать. Я положил руку на ствол дерева, уходящего вверх, куда-то к самым облакам. Кора была теплой, как женская кожа, она касалась меня, ласкала мои пальцы. Наверно, так выглядел Эдем! А Кий все ныл, что ему хочется пить и умолял найти воду. Но воду мы не нашли. Мы нашли серую пыль, прямо на земле, в круге камней.

Двенадцать каменных глыб, выше меня и шире Кия, стояли в центре оазиса, вокруг серого пятна. Я первым прошел за камни. Тонкая серая пыль покрывала землю толстым слоем, поднималась в воздух, кружилась на ветру, и опускалась обратно, не покидая круг. Пыль походила на пепел. Я сказал это вслух, и Кадар тут же продекламировал, с видом поэта, выходящего на сцену античного театра:

«Поднялся пепел над могилой мертвеца.

Кружился, летал, будто снег,

Не видно ему было конца,

В нем утонул человек!».

Мы покатались со смеху. Поэтом Кадару точно не быть,

но каждый из нас уже приложился к записочке с веществами, так что его вирши показалось отличным стихотворением, к тому же уморительно смешным. Мы веселились, хохотали, скакали вокруг камней и валялись в пыли. Я первым поднес щепотку пыли к носу. Вдохнул, и мир исчез. Никогда еще приход не наступал так быстро.

Я падал. Было темно и холодно, но я сказал: «Да будет свет!», и стал свет. И я увидел! Кадар не ошибался, я увидел наш мир, словно мог окинуть его весь одним взглядом. Все его прошлое и будущее, все галактики и молекулы поместились на моей ладони. Я видел, как египтяне строят пирамиды, и лучше не вспоминать о тех, кто ими тогда командовал. Видел, как варвары громят храмы старых богов. Я стоял на палубе корабля Колумба, бродил по Марсу, нырял на дно океана.

Кадар прав, все это имеет смысл! Пыль не просто открывает понимание реальности, пыль и есть реальность. Три Полюса Мира – разумеется, их три! Вселенская Сеть, я видел ее! И Червь, пожирающий миры, как можно было не понять этого раньше? Все стало простым и понятным. Я летал с ангелами и пил вино с Одним, целовал Афродиту и танцевал среди звезд, когда слышал шаги. Бам, бам, бам! Похоже на удары молотка по каменным плитам. Кто-то шел ко мне, а я стоял в каменном круге и встречал его, ждал своего гуру, святого, бога. Того, кто сделает богом меня!

В круг вошел труп.

Он шагал ко мне и топал на каждом шагу. Его сожгли еще до похорон, а потом зарыли в землю, где гниль и разложение сделали свое дело. Коже слезала лохмотьями, плоть пузырилась, лопалась, кишела слепыми червями. Глаза запеклись в огне, лицо сгорело и сползло с костей. Он вонял тухлым мясом и горелыми стейками, но я все равно узнал его. Ее! Узнал ее. То, что осталось от ее тела, от ее платья.

Ты была в этом платье на моем празднике, когда я запустил ракету в сторону дома. Ты умерла, сгорела, сгнила и пришла за мной в круг камней, моя младшая сестренка. Кадар, сволочь, зачем ты сказал про прах мертвецов? Твои слова засели в моей голове, и я думал о смерти, я не мог перестать думать о ней, и теперь смерть пришла ко мне! Я заорал и очнулся.

Вставать так тяжело! Я полз по пыли и пытался не дышать, пока не выбрался из круга. Очень долго я сидел там и смотрел в пустоту и даже не вспоминал про Кия и Кадара. У меня еще осталась немного заначки. Я высыпал все, пустил по ветру. С меня хватит! Не хочу больше ничего видеть.

Кадар выполз из круга вслед за мной. Последним выбрался Мартин. Он хватал воздух, задыхался и бормотал что-то про океан и воду, которой слишком много. Пить он больше не просил.

Мы выжили и вернулись домой. Не знаю как, но мы смогли. Сутки брели по песку, почти наугад, без еды и воды, а я проклинал свою глупость. Должно быть, я спятил, когда ре-

шил выкинуть заначку, она бы мне очень пригодилась!

Пустыня легко убивает странников, но мы выжили. Три грязных бродяги, которые едва держатся на ногах – в Кротвиле нас бы упаковали в тюремную камеру, но местные видели серую пыль на нашей одежде и сразу отходили подальше. Никто не встал на нашем пути к отелю.

***

Отель – вот настоящий оазис в пустыне! Десять этажей рая со всеми удобствами, с баром, с горячей водой, с мягкой постелью. Чистая одежда, ванна, выпивка и возможность поспать, и не обязательно в таком порядке. Пустыня, серая пыль, безумные видения, все уже осталось позади. Я принял душ, вызвал лифт, и бар принял нас в свои объятия.

– За наше путешествие! Я нашел то, что искал, – Кадар размахивал бокалом пива и веселился от всей души, – я был прав, и это надо отметить! Мне снова открылись миры, я видел суть мироздания! Надо ее собрать.

– Суть? – переспросил я, распиливая пережаренный стейк.

– Не суть, дурень, а серую пыль. Собрать и унести с собой. Нужно научиться контролировать видения!

Я вспомнил обгоревший труп в круге камней, и есть кусок жаренного мяса сразу расхотелось. Я отодвинул тарелку.

– Ты собираешься это повторить? Ты с ума рехнулся?

– Да хорош вы трывдеть, сюда посмотрите, вон тут что! – Кий вцепился мне в ухо и силком развернул голову в сторону

уходящей официантки, смуглой девочки лет семнадцати. – Задрал со своей пылью, ты сюда посмотри, какое тут ходит! Экзотика! Спорим, я к ней на раз подкачу?

– Она не экзотика, она тут как все. Тут ты экзотика, Кий – ты бледный, потный и толстопузый. А будешь приставать к местным девкам – тебе пообрубают все, что найдут, у них тут строго с этим делом.

– Хренали, это я потный? – возмутился Кий. Все остальное он пропустил мимо ушей.

– Да ты реально потный, Кий! С тебя течет.

С Кия, и правда, текло. Его словно макнули в воду, рубашка промокла, с волос капало.

– Жарко тут! – соврал Кий. Мы сидели у кондиционера, и пили ледяное пиво. Жарко? Я плеснул ему в бокал холоденького.

– Прибухни, Кий! Полегчает.

– На хрен ты мне льешь? – завизжал Кий, и люди за соседними столиками начали оглядываться. – Тише лей, мудаки!

– В смысле – тише? У тебя проблемы, Кий?

– Ты проблема! – он опять заорал, и теперь на нас смотрели все. – Хреначишь тут своим пивом, как водопад! Чего так громко-то?

– Тебя не отпустило еще, Кий, – сообщил Кадар. – Точно тебе говорю, ты загоняешь, и ты весь мокрый. И пиво ни хрена ни разу не громко льется. Это нарушение сенсорного восприятия, чувак! Тебе надо проспаться.

Кий послал его, встал и ушел, а вода капал с него и мокрые потеки оставались на полу. Так потеть человек не может. Даже Кий, даже если его еще не отпустило! Он шел из зала и топал, как слон. Бам, бам, бам! Как труп в круге камней. Обугленный стейк скорчился на тарелке, запах подгорелого мяса сводил с ума. Аппетит пропал окончательно. Я помахал официантке, сунул ей деньги и двинул к выходу.

Наш номер на шестом. Кадар вызвал лифт, и когда двери открылись, мы нашли Кия на полу. Распухший и посиневший, вода текла у него из горла. Из всего лифта текла вода, прямо нам под ноги. Мы стояли и смотрели на Кия, Кий смотрел на нас мертвыми глазами, а потом двери закрылись.

Я не хотел ждать, объяснять что-то местной полиции, рассказывать о нашем походе в каменный круг. И особенно не хотел сдавать анализ крови на токсины и наркотики. Кадар хотел этого не больше меня, но уперся и отказался уходить, пока мы не попросимся с умершим другом, не произнесем великие последние слова над его телом. «Прощай Кий, ты был не прав! Сны могут причинить вред!» – сказал я, вот и вся ему эпитафия. Мы сбежали, никто нас не остановил, никто не вошел в лифт до того, как мы покинули отель.

Я не знаю, что видел Кий. Мы не обсуждали наши видения, но всю дорогу к каменному кругу он просил пить, только о воде и думал. Уверен, в его видениях были Вселенская Сеть и Червь, пожирающий миры. Они настоящие! И была вода. Она тоже настоящая. Возле круга он сказал, что воды

слишком много, потом услышал шум океана, промок за столом, и утонул, пока ехала в лифте. Такое не объяснить местной полиции.

Тамибию мы покинули очень быстро, и ни разу не поговорили о том, что случилось. Мы просто хотели уехать, и сделать вид, что ничего не было. Что Кий не утонул в лифте, а просто отстал, или опять сел, или загремел в клинику на реабилитацию. Убегать от реальности – в этом мы давно уже стали мастерами!

Шаги за спиной я услышал в аэропорту, но самолет взлетел до того, как пришел аромат горелого мяса. В этом полете я последний раз нормально выпался. В Кротвиле шаги застучали снова, пока я махал руками у обочины и ловил такси. От Кадара уже не было никакого толку, он только трясся и шарахался от каждого голубя.

Я усадил его в машину, засунул в багажник чемодан, и попутно протер рукавом его крышку. Нет ничего странного в том, что крышка чемодана покрыта серой пылью! С багажом и не такое бывает. А что на ней отпечатки волчих лап... Это странно, конечно, но я их стер, и все дела. Не хотел, чтобы Кадар увидел и расклеился окончательно.

Но он все равно расклеился. Испуганный и трезвый, без заначки, без шанса затянуться или нюхнуть, он совсем сдал. Кадар больше не болтал о расширении сознания, теперь он только хныкал, требовал сделать музыку громче и затыкал уши.

– Ты там живой, Кадар? Тебя накрыло чем-то? – спросил я, а он заплакал.

– Они топают! Топают и топают! Не хочу слышать, как топают. И рычат! Сожрали меня уже, и опять сожрут! – слезы текли у него по лицу, как у ребенка, он хлюпал носом и вытирал его ладонью, а потом размазывал все это по сидению машины. Таксист высадил нас на половине пути. Я его не виню, но пришлось идти пешком.

Конец Кадару пришел, когда залаяла собака. Просто такса на поводке, ей так хотелось показать свою крутизну, облаивая большого грозного человека. Кадар кинулся на нее, орал что убьет, не даст себя сожрать, и хозяин таксы вышиб из него дух. Я не вмешивался, пока Кадара приводили в чувства и совали в полицейскую машину. Мне нельзя с ним в камеру, я должен идти дальше. Шаги гроыхали уже совсем рядом, я опять чувствовал запах горелого мяса. Но я успел навестить его в камере. От страха Кадар почти не мог говорить, даже обдолбанный он выражался понятнее, чем в тот наш последний разговор.

– Звери там, говорю тебе, – лепетал он. – Кругом одни хреновы звери. Волки всякие, и лоси, и медведи. И волки! Они там везде, там еще Червь, который жрет миры, и Вселенская Сеть, все опять было, я видел. А потом бабах! И звери. Полный круг зверей!

Про зверей он кричал в последнюю свою ночь, если верить газетам, но кто слушает крики полоумного наркомана?

Утром его перевезли из камеры в морг. Никто не сможет объяснить, как так вышло, что арестанта порвали, затоптали и загрызли копыта, когти и клыки обитателей целого зоопарка.

Я знал, как, но такими знания лучше ни с кем не делиться. Я уже понял, почему те шаманы с детства учились пользоваться пылью – они должны были научиться контролировать свои мысли. Кий хотел пить и получил воду с избытком. Кадара укусил какой-то пустынный суслик, он думал об укусе, и увидел зверей. Его стишок про мертвецов напомнил мне о смерти, и в кругу я встретил мертвую сестру. Теперь моя одежда пропитана серой пылью, а шаги за спиной все ближе.

Мне надо отдыхать, есть, спать, а мертвецу все это ни к чему, она идет за мной, неспешно, непрерывно, она знает, что спрятаться мне некуда. Я слышу шаги. Бам, бам, бам! Они грохочут за спиной. Я видело ее в зеркале. Она коснулась меня рукой, и на коже остался ожог. Я бегу от нее, самолет и поезд быстрее, чем ноги мертвеца. Не важно, куда бежать, я живу, только пока убегая.

***

Это была долгая прогулка. Я спустился по Темзе в дырявой лодке, пересек Сибирь на автобусах, угнал машину в Китае, проехал в вагоне с углем половину Мексики. Деньги закончились, уже год я ничего не принимал, не спал больше трех часов в день, не ночевал два раза в одном месте. Я почти не мылся, не успевал сбрить бороду, меня перестали пускать в отели и самолеты. Я плыл, и ехал, и бежал, но стоило оста-

новиться хоть на день, и я слышал шаги. Бам, бам, БАМ!

Все заканчивается, и конец моей истории совсем рядом. Нельзя бежать вечно, я слишком устал. Я обогнул землю и вернулся к началу, снова вошел в круг камней. Здесь все началось, и если где-то есть ответы и спасение, то только здесь.

Камни все так же стояли, а пыль все так же покрывала землю. Ничто не росло на ней, в небе над кругом не было птиц. Ни одна ветка не наклонилась за камни, ни один цветок не уронил лепесток на серую пыль. Даже мошки не летали над ней. Она отравила это место, выпила всю его жизнь. Как я мог не замечать этого раньше, о чем думал, когда решил вдохнуть пыль?

Но кое-что изменилось с тех пор. В центре серого пятна теперь лежали тела. Их не было тут раньше, и мне пришлось войти в круг, что бы понять, кто они.

Дружище Кий, распухший утопленник с текущей из горла водой. Философ Кадар, растерзанный дикими зверями. И третье тело, пока еще способное дышать – мое тело. Мы не ушли из круга, мы всегда были здесь, на подушке из серой пыли, покрывающей землю. Целый год, день за днем, я убегал от ожившего видения. Но видения не оживают! Сама жизнь за кругом камней была моим видением.

БАМ! БАМ! БАМ! Шаги совсем рядом, они оглушают, они взрываются в голове. Я задыхаюсь от вони сгоревшего и сгнившего мяса. Она подходит ко мне, протягивает руку. На кончиках ее пальцев разгорается огонь.

***

Человек, лежавший в круге камней, задрожал и скорчился. Его тело дергалось из стороны в сторону, кожа пузырилась и покрывалась ожогами. Он сгорал в огне, горящем только в его голове, в воображаемом пламени, которое не увидеть больше никому.

Никого и не было рядом, никто не видел, как три тела в круге высохли, как их кожа растрескалась, ребра провалились внутрь и рассыпались в прах. Трое вошли в круг всего час назад, но уже истлели так, словно прошли тысячи лет. Они рассыпались и обратились в тонкую серую пыль. Пыль покрывала эту землю толстым слоем, накопленным за много лет, и теперь ее стало еще чуть-чуть больше.